

ВИКТОР ШЕТЭЛЯ

*(Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия)*

УДК 811.161.1'255.2:821.162.1-3(Сенкевич Г.)

ББК Ш33(4Пол)6-8,444+Ш307

ХАРАКТЕРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ «ТРИЛОГИИ» Г. СЕНКЕВИЧА В ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (ПАН ЗАГЛОБА)

Аннотация. В статье анализируется речь одного из самых ярких персонажей «Трилогии» Г. Сенкевича и польской литературы – пана Заглобы. Этот выходец из среды мелкого дворянства пользуется, по воле автора, польской речью, богатой пословицами и поговорками, а также фразеологизмами и другими изречениями, характеризующими данное лицо, а где-то, возможно, раскрывающими его подлинное социальное происхождение. Анализу поддаются указанные единицы с компонентом названием животных, во многом характеризующими речь военного человека той поры. Вместе с тем, анализ перевода на русский язык данных единиц, возможно, даст ответ на ряд вопросов, а прежде всего на основной вопрос – не потерял ли в переводе произведения, задуманный автором образ.

Ключевые слова: изречение, перевод, поговорка, пословица, словарь, сравнительная конструкция, фразеологизм, языковая личность.

«Трилогия» Генрика Сенкевича, созданная в 1882 – 1888 гг., представляет собой цикл исторических романов, в которых представлены: в первой части «Огнем и мечом» – Речь Посполитая в период восстания Б. Хмельницкого (начало повествования 1647 г.); вторая часть «Потоп» – война со Швецией, оккупация польской земли шведами и изгнание их; третья и последняя часть «Пан Володыёвский» – война с Османской империей (начало повествования 1668 г.).

Каждая из частей имеет своего главного героя. Таким в первой части является пан Скшетский (Skrzetuski), второй части – пан Кмициц (Kmicic), в третьей – пан Володыёвский (Wolodyjowski). В каждой части «Трилогии» встречаются все новые и новые персонажи, часто и второстепенные, но среди этих всех лиц пан Заглоба – польский Фальстаф – наиболее уз-

наваемый и любимый всеми поколениями читателей этого романа персонаж. Своей колоритной внешностью и речью полной намеков и шуток, афоризмов, фразеологизмов, пословиц, а также жизненным опытом, он значительно выделяется среди других. Во всех частях «Трилогии» пану Заглобе отведена роль опекуна всех главных героев и их возлюбленных. Опекуна не всегда достаточно удачного. Попытаемся внимательней рассмотреть эту фигуру по манерам его высказывания, по выражениям, которые он употребляет, что возможно, даст ответ о социальном происхождении героя, который свободно обращается и в среде простых крестьян, казаков, а также шляхты, военачальников и богатых магнатов.

Анализ речи персонажа возможен в сравнительно-сопоставительном плане. Такую возможность раскрывает нам перевод романа на русский язык. Интересно сопоставление фразеологических оборотов, пословиц и поговорок, которыми, по воле уже переводчика, персонаж пользуется в русскоязычной версии романа и которых так много, что приходится сузить их отбор для анализа только единицами с компонентом названий животных. Слова **конь - koń, пёс – pies, волк – wilk** и другие в составе многословной единицы являются характерными для речи военного человека. Необходимо также ограничиться, на наш взгляд, последней частью «Трилогии», текстом романа «Пан Володыёвский», где пан Заглоба уже в годах и как будто на вторых ролях, но почему-то его речь значима и для сюжета романа, и для окружающих его людей.

Окружающие употребляют по отношению к нему, т.е. для его характеристики, слова: **szpak – скворец, ryba – рыба, wróbel – воробей, karaś – карась, raka – рак**, которые в составе многословной единицы приобретают особые значения.

Слова **szpak – скворец** в выражении **siła szpaków zjeść za młodu** – дословно: «много скворцов съесть в молодые годы» адресованы Заглобе и обозначают «большой его ум; разумность». Это выражение не имеет прямого русского соответствия, поэтому переводчик упростил этот момент до слов «вас не обманешь», где уже нет оценки молодых лет персонажа. Ср.: «Siła musieliście szpaków zjeść za młodu» [Sienkiewicz 1960: 172] и «Вас на мякине не проведешь...» [Сенкевич 2011: 144].

Слово **ryba** употреблено в контексте свободного «плавания» Заглобы в «элекционном море» во время выборов нового короля и содержат высокую оценку политических и дипломатических способностей персонажа: «Lecz pan Zagłoba pływał w tym morzu jak ryba» [Sienkiewicz 1960: 186]. Переводчик избегает подобного сравнения с рыбой, ср.: «Один Заглоба чувствовал себя в родной стихии» [Сенкевич 2011: 154].

В свою очередь для характеристики своих друзей Заглоба употребляет выражение с компонентом **rak – рак: od raka oczy pożyczyc** в значении «плохие глаза; глаза такие, как у рака взятые». Заглоба сетует, что его друг свой выбор остановил не на той девушке, ср: «Michał od raka oczy pożyczyc, żeby taką dla tamtej kukły spostonować» [Sienkiewicz 1960: 211] и «Видно, глаза у Михала как у рака, не в том месте, где надобно, коли он ею ради той куклы пренебрег» [Сенкевич 2011: 174]. Известный фразеологический словарь Ст. Скорупки не отмечает многих из подобных выражений, что может свидетельствовать о глубокой народности персонажа, речь которого выходит за определенные литературные рамки. Это может быть указанием на то, что Заглоба является все же выходцем из простого народа. А его шляхетское происхождение, герб, многие победы на полях сражения являются простым вымыслом, в которые наш герой сам искренне верит.

Вторая оценка, данная Заглобой пану Володыёвскому, состоит из слова **karas** – **карась** в сравнении: **сердце как глаза карася на самом верху**, что должно было обозначать «просто-душие; прямоту помыслов героя», ср.: «Serce u niego, jak oczy u karasia, na samym wierzchu» [Sienkiewicz 1960: 196] и перевод этого сравнения: «Да у него все помыслы, как глаза у карася, на самом виду» [Сенкевич 2011: 161].

Размышления Заглобы, его внутренний голос, содержит умное народное изречение с компонентом **koń – конь**, которое в переводе заменяется словом **кобыла**: «Żenić kogoś wbrew woli to też samo, co by mu kazać na koniu twarzą do ogona jeździć» [Sienkiewicz 1960: 211] и «Женить кого-то против воли, все равно что задом наперед на кобылу сажать» [Сенкевич 2011: 173].

Мнение Заглобы о самом себе довольно высокое, что видно в употребленном им выражении с компонентом **wróbel (воробей)**

в значении «стреляный воробей». Переводчик пошел по другому пути при переводе этой фразы, ср.: «Gadaj innemu o amicusji, bo ja za stary wróbel» (т.е. я слишком старый воробей, чтобы меня обманывать) [Sienkiewicz 1960: 99] и «Болтай кому хочешь, что это дружба, у меня свои глаза есть» [Сенкевич 2011: 85]. Выражение *stary wróbel*, т.е. «стреляный воробей» в переводе отсутствует, что не в пользу перевода, но это не меняет смысла фразы – читатель понимает, о чем здесь речь.

Высказывания Заглобы с компонентом **pies** – **пёс**, а также **wilk** – **волк** разнообразны по смыслу и по функциям их употребления, но по своему характеру они довольно агрессивны, что, может быть, является отпечатком в речи военного ремесла, каким персонаж занят. Ср: «Teraz pan Sobieski kozactwu i tatarstwu znów te strony wydał jako psu z gardła...» [Sienkiewicz 1960: 241] и «Теперь пан Собеский снова у казачья и татар, как у пса из пасти, эти земли вырвал...» [Сенкевич 2011: 196]. Слово **pies** в сравнительной конструкции употребляется Заглобой по другому случаю: «...mróz by mnie w uszy kąsał jak pies» [Sienkiewicz 1960: 178] и «... и мороз, как злая собака, будет меня за уши хватать» [Сенкевич 2011: 148]. Следующее выражение Заглобы переводчиком пересказывается, поскольку не найден его русский аналог. Заглоба дословно сказал (перевод наш. – *B.III.*): «А что я видел, то и другим сказал. Скететуский реалист, но ведь и моим острым умом никто в собак не бросал», что у Сенкевича приобрело форму высказывания: «А com widział, tom i innym powiedział. Skrzetuski jest realista, ale też i moim dowcipem za psami nikt nie ciskał» [Sienkiewicz 1960: 150] и путь, который избрал переводчик, пожертвовав словом **пёс** (**собака**): «А я видел это и другим передал. У Скететуского ум трезвый, да ведь и я в темя не бит» [Сенкевич 2011: 125].

В высказываниях Заглобы звучат мотивы древней легенды о Янке, который жил в 1414 г. в городе Дукля и который собакам ботинки шил. Эта легенда воспроизведена в драме «Кордиан» Юлиуша Словацкого (1834 г.).

Подслушав разговор Кетлинга и девушки, Заглоба изрек: «Każde z takiego kochania psom buty uszyć!» [Sienkiewicz 1960: 135], что было переведено на русский следующим образом: «Из такой любви шубы не сошьёшь!» [Сенкевич 2011: 112]. Переводчик

дчик обошёлся другим выражением, которое все же верно отражает смысл польской фразы. Без дополнительных комментариев здесь все сразу становится понятным.

Персонаж неоднократно использует выражение, которое имеется и в польской и русской речи, – «смотреть волком». См.: «Powiedziałeś waszmość pan, iż mu wilkiem z oczu patrzy» [Sienkiewicz 1960: 268] – «Вы только, сударь, сказали, что он глядит волком» [Сенкевич 2011: 219].

Сенкевич использует и другие наименования животных, птиц и т.д., которые в составе фразеологизма «приукрашивают» речь Заглобы. Напр.: «wola boska nie uderza na człowieka w depresji, jako garóg na cyrankę» [Sienkiewicz 1960: 40] и «Божья воля не налетает на человека, как ястреб на пташку» [Сенкевич 2011: 34]. Здесь можно поспорить о надобности такого обобщения: подвид утки заменяется пташкой.

Как следствие, многие из изречений пана Заглобы приобретают статус крылатых выражений, которыми до сих пор пользуются в польской обиходной речи даже современные читатели книги Г. Сенкевича.

Может быть, манера высказываний Заглобы, смыслы этих его многословных единиц определяют ту социальную нишу, которую самовольно занял, по воле автора, Заглоба.

Отдельный вопрос: не теряется ли речевой колорит данной личности и сама эпоха при переводе текста романа на русский язык. Может быть так и происходит, но, вероятней всего, для читателя более важным является понимание поступков этой личности и сам сюжет романа.

Итак, благодаря перу Г.Сенкевича благодарный читатель узнает не только о захватывающих приключениях героя романа, но и через его речь о его характере, как о живом человеке. Сравнимая употребление фразеологизмов в речи персонажа в подлиннике и переводе, можно задуматься, прежде всего, о сохранении колорита произведения, рассказывающего о давно прошедшем времени.

Значительная работа, проделанная переводчиком, может быть, все же не всегда соответствовала намерениям автора. Переводчик, прежде всего, передавал сюжет, не вдаваясь в детали, но все же любознательный читатель вправе задаваться вопро-

сом, что все же имел в виду персонаж в том или другом случае. Не исказилась ли из-за недомолвок историческая правда? Хотя, по сути, на самом деле главным в романе, действительно, является захватывающий сюжет, а колорит высказывании персонажей является лишь только скрашивающей роман деталью.

ЛИТЕРАТУРА

Сенкевич Г. Пан Володыёвский. Роман [Текст] / Генрик Сенкевич. – М., 2011.

Sienkiewicz H. Pan Wołodyjowski. Powieść. – Warszawa, 1960.

Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – Warszawa, 1974, t. I – II.

©Шетеля В., 2018